

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

PÁTRÓVICS Péter: *A lengyel igeaspektus kérdései. Lengyel–magyar strukturális aspektusszótár* [Вопросы польского глагольного вида. Польско-венгерский структурно-аспектуальный словарь]. Budapest: Lengyel Kutatóintézet és Múzeum, 2018. 220 p.

Рецензируемая работа является второй монографией П. Патровича, посвященной проблематике глагольного вида. Но в то время, как в книге, вышедшей в 2004 году, обсуждались теоретические вопросы общей аспектологии с привлечением, в первую очередь, исторического и типологического аспектов (PÁTRÓVICS 2004), в настоящей работе автор обращается к частным проблемам польского глагола с акцентировкой лингводидактического аспекта, причем он не оставляет без внимания важнейшие теоретические вопросы, непосредственно или опосредованно связанные с преподаванием польского языка как иностранного. Данная книга является ярким примером того, что научное изучение категории вида (шире: аспектуальности) польского глагола в наши дни занимает значительное место в области венгерской славистики. Что касается в этом плане специальных аспектологических исследований (к которым следует отнести и настоящую монографию), то можно сказать, что в Венгрии они до конца XX века проводились несколько «односторонне», в сущности, на материале русского глагола. Однако, благодаря научному интересу автора рецензируемой книги, в последние два десятилетия аспектологические исследования в области славистики несомненно обогатились и результатами полонистики: вышел в свет ряд публикаций с ориентацией в основном на аспектуальную характеристику польского глагола (ср. PÁTRÓVICS 2000, PÁTRÓVICS 2001, PÁTRÓVICS 2003). Несмотря на то, что статьи П. Патровича выходят в большинстве случаев на иностранных языках (на польском, английском, немецком и русском – см., в частности, библиографию книги), данную книгу он написал на венгерском языке прежде всего, как можно полагать, по практическим соображениям: книга адресуется венгерским читателям, и таким образом ее материал со своим сложным содержанием легче может восприниматься как студентами-полонистами (в системе высшего образования), так и лингвистами вообще, интересующимися вопросами польского (или славянского) глагольного вида.

Как показывает заглавие книги, в содержательном плане данная работа состоит из двух основных частей. При этом часть, предшествующая материалу самого словаря, подразделяется на Предисловие (с. 5–8), на три главы и на примечания. Первая глава (с. 9–17), которую можно расценивать как «вступительную статью», представляет размышление о функционировании языка, здесь же останавливается автор на некоторых трудностях изучения славянского вида. Затем следует объемная глава с применением лингводидактического подхода (с. 19–47). Следующую главу можно рассматривать в качестве введения к словарю, вроде его объяснительного, тем самым непосредственно подготовительного раздела (с. 49–100). После полного текста

в отдельный раздел объединяются примечания (с. 101–115), содержащие дополнительную информацию к изложенному в указанных главах. Другую главную часть книги представляет сам словарный материал глаголов (с. 117–193). Книгу завершает резюме на польском и английском языках (с. 195–198), и в заключение, на основе ссылок, приводится богатая библиография (с. 199–215), которая делится, в соответствии с жанром использованных работ, на словарную, учебную и лингвистическую литературу. Остановимся на некоторых моментах изложенного материала.

1. В первой главе с опорой на работы Я. Баньчеровского (см. BAŃCZEROWSKI 2008, BAŃCZEROWSKI 2009) затрагиваются, в частности, общие вопросы функционирования языка с включением проблем правильного выбора видовых форм в практике речи. При этом внимание обращается и на психолингвистические факторы, касающиеся употребления видов. В сжатой форме излагаются и некоторые классические вопросы общей аспектологии, так, например, проблема различения терминов «вид» (Aspekt) и «способ действия» (Aktionsart). По этому поводу автор справедливо подчеркивает заслуги С. Агрелля, который первым предложил (1908) четкое различение данных наименований, и делал это именно на основе производности (морфемной маркированности) глаголов, как принято поступать в славянской аспектологии и в последнее время.

В связи с проблемой этих терминов мы хотим обратить внимание еще на следующие два момента: 1) Конечно, переход к последовательному различению этих двух феноменов произошел в славистике вовсе не сразу. Несмотря на основополагающую работу Агрелля, в немецкоязычной аспектологической литературе вплоть до середины XX в. (в сущности, до Ю. С. Маслова) бытуют статьи, в которых термин «Aktionsart» по-прежнему употребляется в значении вида (Aspekt). 2) Кроме того, в западной, прежде всего англоязычной аспектологии термин «Aktionsart», как правило, понимается до настоящего времени как «акциональный» или «аспектуально-семантический класс» глаголов, независимый от их формальной характеризованности, тогда как в современной русской лингвистике понятие «способ действия» определяется при словообразовательно-модификационном подходе: в соответствии с этим, способы действия – это *морфемно* (префиксом или суффиксом) выраженная семантическая модификация исходного глагола для характеристики протекания действия. Ради точности добавим, что в концепции Ю. С. Маслова, и вслед за ним, его последователя А. В. Бондарко, предлагалось еще дифференцированное различение способов действия: с одной стороны, как «характеризованных» (т. е. аффиксально выраженных), и как «нехарактеризованных», с другой. Но проблема именно в том, что «нехарактеризованный» тип акционального разряда ныне практически никто из российских лингвистов не называет способом действия, а вместо этого для обозначения данного понятия встречаются названия «акциональный класс» (ТАТЕВОСОВ 2005), «семантический тип предиката» (БУЛЫГИНА 1982) или «характер действия» (ГОРБОВ 1998).

2. Во второй главе на первый план выступают лингводидактические (в терминологии автора: глоттодидактические) аспекты. Сначала автор дает краткий обзор об учебных пособиях польского языка с точки зрения категории вида, отдельно характеризуя учебники, адресованные носителям польского языка и отдельно грамматики, которыми пользуются иностранные учащиеся. При таком сопоставлении выясняется, что в грамматиках для носителей языка содержится лишь минимальная информация о глагольном виде, в отличие от учебных грамматик, написанных для иностранцев, усваивающих вид, как известно, с большим трудом. В этих учебниках особое внимание уделяется формальной характеристике видообразования. В настоящей главе занимается автор и вопросами выражения вида в польско-венгерском сопоставлении.

В этой связи нам неясным кажется одно его высказывание: Патрович, хотя и вскользь, замечает, что в венгерской лингвистике при изучении аспектуальности наблюдается подход к описанию данной категории, исходящий не от вида, а от способов действия (с. 19). Однако при учете ведущих и наиболее аутентических работ мы не считаем обоснованным такое утверждение, тем более что в фокусе исследования Б. Вахи стоял именно вид (аспект) (см. WASNA 2001), а в монографии Ф. Кифера описываются обе категории – сначала вид, потом способы действия (см. KIEFER 2006).

Данная глава выделяется стремлением к комплексному представлению сопоставительных аспектов: сравнение выражения аспектуальных значений с венгерским языком охватывает разные уровни языка – словообразовательную, синтаксическую и лексическую характеристику глагола. Автор обращает внимание, в частности, на следующие моменты: а) функции польских префиксов и венгерских превербов совпадают лишь частично; б) несколько ближе стоят друг к другу в аспектуальном отношении имперфективирующий суффикс *-ywa-/-iwa-* и венгерский суффикс *-gat/-get*; в) касательно эквивалентности дистрибутивного способа действия (с префиксом *po-*) возможно точное соответствие, если выразить количественно-распределительное значение в венгерском языке лексической компенсацией (*sorra, egymás után*), но от этого приема и тем самым, от передачи данного дополнительного оттенка часто наблюдается отказ.

Патрович останавливается также на вопросе об употреблении вида в повелительном наклонении. Уделение внимания этой позиции глагола является важным потому, что формы императива весьма часто встречаются в диалогах.

3. Третья глава логически непосредственно примыкает к материалу структурно-аспектуального словаря, что позволяет с точки зрения рецензирования соединить данные разделы. Применением так называемого гнездового подхода автор преследует и педагогические задачи: при составлении словарных статей учитываются разные приставочные и суффиксальные дериваты исходного глагола, в той или иной степени модифицирующие характер протекания и распределения действия во времени. В главе, представляющей собой «введение к словарю», анализируются оттенковые различия между приставочными вариантами глаголов, а в случае дериватов с префиксом *po-* (являющимся самым продуктивным) автор обращает внимание на полифункциональный характер этой морфемы. Помимо чисто перфективирующей роли (например, *pocłować, podyktować, pozielenieć*) эта приставка регулярно выполняет и другие аспектуальные функции, придавая глаголу, в частности, делимитативное значение (*poboleć, poleżeć*) и, при множественном объекте или субъекте, дистрибутивное значение (*pobrać, pomordować*). Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельных случаях префикс *po-*, присоединяясь к глаголу СВ, выполняет не видовую, а стилистическую функцию (*powrócić, poprząszyć*). К характеристике аспектуальных отношений автор подходит дифференцированно: с одной стороны, выделяет корреляции «в узком смысле» – это нормальные (никем не оспариваемые) видовые пары, с другой стороны, и соотношения «в широком смысле», при предположении видового партнерства с участием таких способов действия, которые близки к «чистому» перфективу – в первую очередь с участием делимитативных глаголов. С точки зрения возможности или невозможности реализации видового коррелята (в узком смысле) или партнера (в широком смысле) автор устанавливает четыре семантических класса глаголов: 1) стативы (как, например, *kochać*), 2) процессивы (*umierać*), 3) каузативы (*stawiać*), 4) глаголы деятельности (*myśleć*). Отнесенность глагола к тому или иному разряду в вокабулах словаря обозначена римской цифрой.

При анализе приставочных модификаций Патрович опирается не только на словари, но учитывает и работы тех полонистов, которые провели в этой области специальные исследования (W. Śmiech, C. Piernikarski, W. Cockiewicz, J. Piwowar, T. Anstatt и др.). Отдельные анализы, представленные автором книги, богато проиллюстрированы предложениями, отражающими живую речь (при этом последовательно даются венгерские переводы). Что касается словарных статей, то в них предложения для иллюстрации данного значения не приводятся. Словарь содержит 331 польское заглавное слово и в целом свыше трех тысяч лексических единиц на польском и венгерском языках. В качестве примера покажем следующее аспектуально-словообразовательное «гнездо»:

bić <i>ipf</i> → : zbić <i>pf</i>	<i>üt, ver</i> → <i>elver, megver, összever</i>
III kogo, co	
↳ v pobić <i>pf</i>	<i>elver, megver, összever</i>
↳ pobić <i>pf</i>	<i>ver egy ideig</i>
↳ dobić <i>pf</i> → : dobijać <i>ipf</i> → : podobijać <i>pf</i>	<i>bever, agyonver</i>
co, do czego	
↳ nabić <i>pf</i> → : nabijać <i>ipf</i> → : ponabijać <i>pf</i>	<i>ráver, megtölt</i>
co, na co	
↳ obić <i>pf</i> → : obijać <i>ipf</i> → : poobijać <i>pf</i>	<i>megver, megbotoz</i>
kogo	
↳ odbić <i>pf</i> → : odbijać <i>ipf</i> → : poodbijać <i>pf</i>	<i>visszaüt, visszaverődik</i>
(się) co (się)	<i>elüt (egymástól)</i>
↳ podbić <i>pf</i> → : podbijać <i>ipf</i> → : poodbijać <i>pf</i>	<i>felver (árat), feldob</i>
↳ przebić <i>pf</i> → : przebijać <i>ipf</i> → : poprzebijać <i>pf</i>	<i>átüt, átszúr, áttör</i>
↳ przybić <i>pf</i> → : przybijać <i>ipf</i> → : poprzybijać <i>pf</i>	<i>odaszegez, partot ér</i>
↳ rozbić <i>pf</i> → : rozbijać <i>ipf</i> → : porozbijać <i>pf</i>	<i>szétver, tőri magát</i>
co	
↳ ubić <i>pf</i> → : ubijać <i>ipf</i> → : poubijać <i>pf</i>	<i>agyonlő (vadat)</i>
co (pianę)	<i>lever, ledöngöl</i>
↳ wbić <i>pf</i> → : wbijać <i>ipf</i> → : powbijać <i>pf</i>	<i>(fel)ver (habot)</i>
co, w co	<i>bever, ráhúz, ráüt</i>
na co	
↳ wybić <i>pf</i> → : wybijać <i>ipf</i> → : powybijać <i>pf</i>	<i>kiver</i>
co	
↳ zabić <i>pf</i> → : zabijać <i>ipf</i> → : pozabijać <i>pf</i>	<i>megöl</i>
się II	<i>megöli magát</i>
↳ zbić <i>pf</i> → : zbijać <i>ipf</i> → : pozbijać <i>pf</i>	<i>összetákol</i>
bić <i>się ipf</i>	<i>megüti magát, verekszik, harcol</i>
IV	
↳ : pobić <i>się pf</i>	<i>harcol, verekszik egy ideig</i>

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что книга П. Патровича представляет лингвистическую основу для решения практических вопросов, связанных с обучением глагольному словообразованию и аспектуальным значениям польского глагола. Данная работа вносит значительный вклад в результаты венгерских аспектологических исследований.

Ласло Ясаи

Литература

- BAŃCZEROWSKI 2008 = BAŃCZEROWSKI Janusz: *A világ nyelvi képe. A világgép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2008.
- BAŃCZEROWSKI 2009 = BAŃCZEROWSKI Janusz: A nyelvészeti strukturalizmus és kognitivizmus tézisei és alapelvei. *Magyar Nyelvőr* 133 (2009): 253–263.
- KIEFFER 2006 = KIEFFER Ferenc: *Aspektus és akcióminőség (különös tekintettel a magyar nyelvre)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006.
- PÁTROVICS 2000 = PÁTROVICS Péter: Problemy badania aspektu polskiego i węgierskiego. *Polono-Hungarica* 8. Budapest: ELTE Lengyel Filológiai Tanszék, 2000. 306–314.
- PÁTROVICS 2001 = PÁTROVICS Péter: Aspekt czasownika polskiego w świetle glottodydaktyki. *Studia Slavica Savariensia* 2001/1–2: 57–64.
- PÁTROVICS 2003 = PÁTROVICS Péter: Az aspektus a lengyel és a magyar nyelvben: harmónia – diszharmónia. *Magyar Nyelv* 99 (2003): 56–69.
- PÁTROVICS 2004 = PÁTROVICS Péter: *Az aspektus története és tipológiája*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2004.
- WACHA 2001 = WACHA Balázs: *Időbeliség és aspektualitás a magyarban*. (Nyelvtudományi Értekezések 149.) Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001.
- БУЛЫГИНА 1982 = БУЛЫГИНА Т. В. *К построению типологии предикатов в русском языке. Семантические типы предикатов*. Москва: «Наука», 1982.
- ГОРБОВ 1998 = ГОРБОВ А. А. *Язык и речевая деятельность*. Т. 1. *О понятии «способ действия» и его отношении к аспектуальности*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. 41–46.
- ТАТЕВОСОВ 2005 = ТАТЕВОСОВ С. Г. Акциональность: типология и теория. *Вопросы языкознания* 2005/1: 108–141.

WITZLACK-MAKAREVICH Kai (Hg.): **Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag**. Berlin: Frank & Timme, 2018. 363 S.

В шестом томе серии «Славистика» Берлинского издательства «Frank & Timme» преследуются две цели. Во-первых, сборник напечатан, чтобы почтить память выдающегося лингвиста Бориса Унбегауна, чье 120-летие со дня рождения отмечалось в прошлом году. Во-вторых, книга имеет целью обсудить выраженное им мнение, согласно которому славянские языки могут быть разделены на две группы в зависимости от того, в какой степени им свойственно калькирование vs. заимствование. К числу ориентированных на калькирование языков Б. Унбегаун отнес хорватский, словенский и чешский, а польский, русский, сербский и болгарский зачислил к группе языков, в которой преобладает заимствование. Относительно лужицких языков (Б. Унбегаун трактовал только верхнелужицкий) была установлена дифференциация: литературному языку было приписано калькирование, а разговорному – заимствование. Б. Унбегаун не смог однозначно причислить к какой-либо группе также украинский язык. С одной стороны, он признавал, что этот язык получил много заимствованной абстрактной лексики из польского. С другой стороны, учитывая, что эти заимствования успешно адаптировались украинским языком, он их считал одновременно кальками. Эти мнения были сформулированы 34-летним Б. Унбегауном в статье «Калькирование в славянских литературных языках», опубликованной в 1932 г. в журнале «Revue des études slaves» (UNBEGAUN 1932).

Сборник открывает введение канадского исследователя Джорджа Томаса, выдающегося исследователя славянского (и не только) пуризма (с. 7–14). Далее следуют помещенные, на первый взгляд, в случайном порядке 18 статей о разных славянских языках и диалектах (хорватском, сербском, словенском, чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком, польском, русском, болгарском, македонском, украинском, белорусском, кашубском, лемковском, (верхне)силезском, а также о соседящих со славянскими неславянских румынском и венгерском, с. 15–337), заключительная статья редактора сборника (с. 339–354), сведения об авторах (с. 355–362) и одностраничное приложение.

Редактор и один из авторов сборника – выпускник Лейпцигского университета, получивший также образование в Лейденском университете, магистр Кай Витцлак-Макаревич. Он десять лет работал переводчиком в Европарламенте в Люксембурге, был докторантом в университете Фридриха Шиллера в Йене (2014–2017). С осени 2017 г. К. Витцлак-Макаревич является лектором DAAD в Институте германистики Оставского университета в Чехии. Он также был редактором совместно с Надей Вульф сборника «Handbuches des Russischen in Deutschland» (Берлин, 2017).

Во вступительной статье Джордж Томас пишет о жизни и трудах Б. Унбегауна. Унбегаун получил два ранения во время гражданской войны в России, а с января 1944 г. находился в концентрационном лагере в Бухенвальде. (Между прочим, редактор сборника лично содействовал прояснению обстоятельств биографии Б. Унбегауна накануне и после его ареста нацистами в 1943 г.) Автор напоминает также о том, что из пребывания в Бухенвальде Б. Унбегаун позже извлек пользу для науки: в конце 1960-х он опубликовал статью о «славянских арго», бытовавших в концентрационном лагере. Ссылаясь на статью в сборнике словенского автора Марко Стабея, автор введения обращает внимание на значение для формирования научных взглядов Б. Унбегауна его пребывания в начале 1920-х гг. в Люблянском университете, владения словенским языком и интереса к другим, только обустроивающимся, малым славянским языкам. Джордж Томас также коротко обсуждает значение для Б. Унбегауна его учебы в Париже под руководством А. Мейе и А. Вайана. Автор вступительной статьи кстати упоминает критическое суждение А. Мейе о тенденциях в развитии европейского языков, сделанное им в 1928 г., мнение Мейе о том, что чешский язык был немногим более, чем «переведенным немецким». Со ссылкой на Х. Кайперта автор вступительной статьи обсуждает возможные влияния на концепцию Б. Унбегауна (Х. Кайперт постулирует влияние работы Н. С. Трубецкого «Общеславянский элемент в русской культуре»), указывает на значение статьи Б. Унбегауна для возникновения изучения пуризма и лексической типологии славянских языков. Джордж Томас информирует о важности статьи Б. Унбегауна для собственной научной карьеры и о собственном предпочтении немецкоязычных терминов для понятия *калькирование* англоязычным, о необходимости дифференциации калькирования на уровне литературных языков vs. на уровне народной речи и пр.

Авторами статей о конкретных языках являются как представители тех стран, в которых употребляются соответствующие языки, так и специалисты-«иностранны». К примеру, статью «Современный сербский язык – необходимость санации?» подготовила польский автор, Лиляна Мёдонска-Рончка. О русском, македонском, белорусском, лемковском, румынском написали представители немецкой науки, об украинском – российской. Авторами статей являются как ученые, давно и хорошо известные в науке, – Роланд Марти (автор статьи о нижнелужицком языке), Светлана Менгель (автор статьи о русском языке), Христиан Фосс (автор македонской статьи),

Андраш Золтан (соавтор венгерской статьи), Клаус Бохманн, – так и менее опытные исследователи.

Нельзя не заметить, что статьи о венгерском и румынском языках выходят за пределы Славии. Их авторам (Клаусу Бохманну – румынский язык, Андрашу Золтану и Сабольчу Янурику – венгерский язык) было предложено подать материалы, в которых исследовались бы контакты между этими языками с (соседними) славянскими. В приложении помещены две регистрационные карточки Б. Унбегауна времен его нахождения в Бухенвальде.

Статьи сборника иногда значительно отличаются по объему. Более всего печатной площади отдано (верхне)силезскому (авторы Кай Витцлак-Макаревич и Томаш Камуселла) и лемковскому (автор Анастасия Райс) идиомам. Из этого можно сделать вывод, что для редактора был важен ракурс «новых» или «малых» славянских языков. Конечно, жизнь этих идиомов значительно отличается от бытия давно сформированных языков. В том числе существенная разница может быть в уровне их разработанности в научной литературе. В этом смысле бросается в глаза то, что в заглавии статьи о лемковском диалекте слова заимствования («Entlehnungen») и кальки («Kalkierungen») взяты в кавычки, будто бы они являются чем-то необычным. По поводу кашубского автор статьи Ханна Макурат между прочим сообщает, что Совет кашубского языка установил его норму, однако эта норма мало известна даже среди тех людей, которые считают себя сведущими в ней (с. 223). То, что кашубский испытывает проблемы в своей идентичности, вероятно, не может не отражаться на трактовке разных конкретных слов как калек либо как заимствований. Относительно небольшие по объему статьи посвящены белорусскому (автор Марина Шарлай), кашубскому, македонскому, верхнелужицкому (автор Эдвард Ворнар), нижнелужицкому, сербскому, украинскому (автор Маргарита Хазанова) и хорватскому (авторы Мария Турк и Дубравка Сесар) языкам.

Предисловие написано на английском языке, статьи сборника опубликованы на 13 славянских языках, а также на немецком. Все статьи сборника, за исключением вступительной и заключительной, снабжены англоязычными резюме.

В заключительной статье сборника К. Витцлак-Макаревич информирует о принципах составления книги и обсуждает некоторые важные моменты, связанные с трактовкой калек и заимствований Б. Унбегауном, а также некоторыми другими исследователями. Редактор обсуждает дефиниции калькирования и заимствования, значение двуязычия для возникновения калек, народное и ученое калькирование, семантические и фразеологические кальки, природу калькирования в неучтенном Б. Унбегауном церковнославянском языке, объясняет порядок размещения в сборнике статей, причины включения в том публикаций о венгерском и румынском языках и т. д. Порядок размещения статей частично повторяет порядок представления языков в статье Б. Унбегауна – в той степени, в какой это было возможно сделать. Автор среди прочего ссылается на работу 1948 г. Хенрика Бекера, в которой последний остроумно заметил, что кальки в языке столь же многочисленны, как и «песок в море» (с. 340).

Большинство статей представляют собой своеобразные *case study* и на материале конкретного языка в избранном авторами ракурсе в той или иной степени отрабатывают проблему, положенную в заглавие книги.

Из некоторых статей (например, о русском, словацком) и даже их названий (например, о польском языке: «О пропорции калек и собственно заимствований в польском языке») следует, что некоторые авторы добросовестно стремились ответить на вопрос, вынесенный в заглавие книги. В первом абзаце польской статьи утверждается,

что наблюдение Б. Унбегауна «точное, интуитивно убедительное, оно едва ли не повсеместно принято среди славистов» (с. 127). Авторы польской статьи Мирослав Банько и Алиция Виталиш выражают удивление в связи с тем, что спустя 120 лет после рождения Б. Унбегауна пропорция калек и заимствований в разных славянских языках все еще остается неизвестной.

Как сообщает редактор сборника, авторы не получили какого-либо списка заданий и были свободны в определении содержания своих работ. Участникам тома было предложено рассмотреть вопрос о преобладании калькирования или заимствования в рамках их собственных научных интересов, насколько это было возможно (с. 339). Некоторые статьи трактуют только часть обозначенной Б. Унбегауном проблемы. Так, если судить по заглавию, в статье о кашубском речь идет только о заимствованиях. В главке работы «Полонизмы в кашубском языке» приводится большой список слов, excerptированных из «Кашубского нормативного словаря» 2005 г.; автор не делает попытки отличить среди них кальки и заимствования. В некоторых статьях, посвященных одновременно заимствованию и калькированию, также замечается уклон в исследование заимствования. Такой «перекос» обусловлен, вероятно, историей славянских языков в 1990-е гг., когда процессы заимствования были весьма очевидны и привлекли широкое внимание славистов. В статье о белорусском языке, посвященной изучению соотношения конкурирующих тенденций к интернационализации и национализации, под второй понимается, в общем, «введение в употребление диалектной лексики и восстановление архаизмов» (с. 208); калькирование в данном конкретном месте не упоминается. В целом в статье калькам уделено меньше внимания, чем заимствованиям. В статье Д. Свободовой о чешском языке обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рамках представления калек чешские словообразовательные неологизмы типа *předmět* (калька с лат. *objectum*) или *přednáška* (калька с нем. *Vortrag*) толкуются как «грамматические», в то время, как такой вид калек, как словообразовательные, в классификации отсутствует вовсе (с. 71).

В центре внимания статьи М. Хазановой находится роль средств массовой информации в воспитании у носителей языкового вкуса; автор рассматривает эту проблему с целью описания украинского пуризма. Авторы статьи о (верхне)силезском языке интересуют дискурс об идентификации и обустройстве этого идиома. В статье Х. Фосса рассматривается путь, пройденный македонским языком после его официального учреждения. На этом пути прежнее церковнославянское влияние во времена Югославии сменилось сербским и сербскохорватским воздействием, что дало результатом формирование такого стандарта македонского языка, который стал значительно более отдален от болгарского.

В хорватской статье ее авторов интересует то, какой результат – заимствования или кальки – дало в последние годы английское влияние на современный хорватский язык. Авторы приходят к выводу, что результатом стали, скорее, заимствования – и это, как видим, противоречит мнению Б. Унбегауна.

В статье о русском языке с точки зрения восприимчивости заимствования литературным стандартом сравниваются два периода: послереволюционный (1917–1920) и перестроечный и постперестроечный (1985–1990-е гг.). С. Менгель приходит к выводу, что в рамках обоих периодов лексические заимствования из других языков пользовались широкой толерантностью, в то время, как лексика из сленга, диалектов или социолектов практически не пропускалась в пределы кодифицированной нормы.

При ответе на главный вопрос сборника автор статьи о словацком языке Я. Кеселова уделяет должное внимание специфике словацкой ситуации, обсуждает исто-

рические и теоретические вопросы калькирования и заимствования. Бóльшая открытость словацкого языка к заимствованиям объясняется, по утверждению автора, исторически: для словацкого языка большее значение по сравнению с другими языками сборника (за некоторым исключением) имели длительные прямые контакты с латинским языком. Автор рассматривает проблему калькирование vs. заимствование на материале выборки из двух тысяч слов, принадлежащих к пяти коммуникативным сферам современного словацкого языка (маркетинг, защита среды, финансы, зоологическая и ботаническая терминология) и приходит к выводу, что заимствование больше присуще отраслям финансов и маркетинга, в то время, как в сфере защиты среды и ботаники больше калек.

Как свидетельствует Роланд Марти, помимо изначального немецкого влияния письменный нижнелужицкий впоследствии столкнулся также с влиянием верхнелужицкого, который поставил модели для замен германизмов-заимствований. Эти входящие в нижнелужицкий языковые средства можно трактовать и как кальки, и как заимствования. Пуризм по отношению к верхнелужицкому был наиболее силен во времена ГДР, а ко времени объединения Германии четко обнаружилась тенденция подчеркнуть независимость нижнелужицкого от верхнелужицкого, в результате чего первый стал больше подпитываться ресурсами из собственной разговорной версии. Тем самым нижнелужицкий стал продвигаться по направлению к немецкому, поскольку разговорный нижнелужицкий обильно насыщен германизмами.

В статье о венгерском этот язык рассматривается как финно-угорский, возникший на неоднородном славянском субстрате. На основании ранних славянских заимствований в венгерском авторы идентифицируют переходный южно-западнославянский и некий болгарский диалекты. Поскольку венгерский языковой ареал окружен в основном славянскими языками, число славянских заимствований в венгерском увеличивается по сей день; славянские заимствования составляют наиболее многочисленную лексическую группу в венгерском. Доля славянских основ в словах венгерского языка фактически равна доле в венгерском языке финно-угорских корней (9,36 и 10,1 процента соответственно). Если исходить из классификации Б. Унбегауна, считают авторы, то венгерский остается языком, склонным к калькированию, однако его словарь также постоянно обогащается заимствованиями.

Оригинальными по замыслу и воплощению являются и другие статьи сборника, поневоле недостаточно описанные нами.

Что касается идеи сборника, то в части, относящейся к идентификации «калькированных» и «заимствованных» языков, она, по нашему мнению, несколько уязвима. Ведь проблемы кальки- и заимствование-ориентированных языков среди славянских языков, по крайней мере, в настоящее время не существует.

Б. Унбегаун написал свою работу в начале 1930-х гг., когда в той или иной мере еще имело силу психологически-романтическое воззрение на славянские языки, в соответствии с которым каждый из них имел какой-то особый «дух», который исследователям следовало «разгадать». Некоторые славянские литературные языки еще не были должным образом сформированы, не говоря уж о том, что настоящее научное изучение славянских литературных языков, тем более в компаративистическом ракурсе, в то время еще только зарождалось. Ввиду недостаточности знаний о разных славянских языках и об универсальных чертах развития их литературных форм в начале 1930-х гг. еще не в должной мере осознавались общие тенденции в развитии славянских языков. Эти общие тенденции указывают на то, что в разные периоды существования разным славянским языкам в той или иной мере были ведомы

как заимствование, так и калькирование. Такое строгое дихотомическое разделение затруднено и потому, что существовали и существуют интенсивные межславянские контакты, в рамках которых калькирование и заимствование нечетко противопоставлены друг другу. В начале 1930-х иногда еще были в ходу импрессионистические, не всегда достаточно подкрепленные материалом, оценки. Между прочим, Джордж Томас обращает внимание на то обстоятельство, что Б. Унбегаун явно недооценил распространенность калек с немецкого в русском литературном языке в XVIII веке – но кто из славистов, тем более русистов сегодня не знает об этой особенности развития русского языка? Вообще, в наши дни довольно неожиданно познакомиться с рассуждениями Б. Унбегауна о зависимости распространенности калькирования от принадлежности того или иного языка к той или иной языковой семье. Но это было естественное состояние славистики начала 1930-х гг. Более того: сегодня устаревшее, по нашему мнению, суждение Б. Унбегауна в те годы было инновационным, ведь в это время во многих конкретных национальных славянских лингвистических школах проблема калькирования надлежащим образом еще не была поставлена.

Сошлюсь здесь на красноречивое отношение к некоторым калькам в сербском языке со стороны такой крупной фигуры как Александр Белич (был старше Б. Унбегауна на 20 лет). В своей статье 1932 г. «О „светогледу“» 53-летний классик сербской лингвистики возражал против употребления в сербском языке слов *светоглед* ‘мировоззрение’, *ногOMET* ‘футбол’, *земљопис* ‘география’, *књигопис* ‘библиография’, *земљотрес* ‘землетрясение’: они, по мнению А. Белича, противоречили «духу» сербского языка (Белич 2000: 261–263). В статье 1936 г. «О создании новых слов» А. Белич не соглашался с употреблением в сербском языке слова *водопад*, кальки с нем. *Wasserfall*: «будучи переведенным с немецкого языка, оно не может употребляться в этом же значении в сербском языке» (Белич 2000: 215).

Рецензируемый сборник дает возможность сделать некоторые наблюдения над особенностями развития славистической науки последних лет. Как известно, на переломе тысячелетий в славистике был реализован возглавляемый С. Гайдой проект «Современная история славянских языков», результатом которого стало издание монографий по каждому славянскому языку. В этих монографиях значительно внимание уделялось осмыслению влияния в 1990-е гг. на славянские языки со стороны английского языка, на возникновение во всех славянских языках в это время большого количества новых слов. В значительной степени эти слова были либо заимствованиями, либо кальками. Любопытно, труды опольского проекта редко фигурируют в списках литературы при статьях сборника. Похоже со времени перелома тысячелетий уже утекло много воды, и нынешняя наука далеко продвинулась вперед; то ли история вопроса освещается в некоторых статьях сборника недостаточно... Можно сожалеть, что немногие авторы сборника ссылаются на отнюдь не потерявшие значения работы Дж. Томаса, внесшего ценный вклад в изучение калькирования. Одним из важных теоретических вопросов, обсуждавшихся этим автором, было различие между кальками и заимствованиями в ситуации, когда имеет место контакт между славянскими языками (этот аспект он упоминает и во вступительной статье к сборнику). Как следовало бы трактовать в словацком слово *nádražie*: как заимствование чеш. *nádraží* или кальку с этого слова? Пример взят нами из статьи в журнале «Наш језик» за 1936 г., где словацкое слово трактовалось как «простая перекройка» чешского слова. Из такой квалификации, однако, было не понятно: словацкое слово должно пониматься как заимствование или калька? Конечно, в 1936 г. ученые еще не вникали в такие нюансы, но для современной науки они имеют значение.

В целом сборник является прекрасным вкладом в славистическую литературу в области заимствования и калькирования. С одной стороны, некоторый недостаток внимания к истории вопроса, не во всех случаях строгая концентрация на теме и унифицированность подходов разных авторов сборника, казалось бы, не всегда позволяет в должной мере глубоко раскрыть специфику феномена калькирования в пределах Славии. С другой стороны, отталкивание всех авторов от одного оригинального источника, охват многочисленных славянских (иногда и неславянских) языков и диалектов, оригинальный и актуальный материал, собранный самими авторами, концентрация в некоторых статьях сборника на смежной проблематике и реализация разными учеными своих собственных ракурсов исследования в совокупности делают сборник ценным источником и дают достаточно широкое и стереоскопическое представление о проблемах заимствования и калькирования в славянских языках.

Сяргей Запрудски

Литература

- БЕЛИЋ 2000 = БЕЛИЋ Александар: *О различитим питањима савременог језика*. (Изабрана дела Александра Белића 13.) Београд, 2000.
 UNBEGAUN 1932 = UNBEGAUN Boris: Le calque dans les langues slaves littéraires. *Revue des études slaves* 12 (1932): 16–48.

SZOFRICS Pál: **Képek Szentendre – és a szerbség – történetéből** [Images from the History of Szentendre and the Serbs]. (Szentendrei füzetek.) Szentendre: Pest Megyei Könyvtár, 2017. 242 p.

Pál Szofrics (Павле Софрић, Pavle Sofrić) was born in 1857 in Szentendre. He studied in Pest and worked as a high school teacher from his thirties in various Serbian cities. He died in Belgrade in 1924. Szofrics released three Serbian publications about his birth town between 1903 and 1910. The writings published in Niš were long forgotten until they were republished in Pančevo near Belgrade in 1994 and then in 2005. The Hungarian translation published in 2017 in Szentendre follows the full Serbian edition of 2005. There are three separate writings in the book: a historical study, a memoir, and an ethnographic essay.

In *Momentums from the Past and Present of Szentendre*, Szofrics always added the precise bibliographical references for the Hungarian, German, Russian, Croatian, and Serbian quotations he used and finished the study with endnotes. In addition, he relied on the local oral tradition, and thus introduced fun into a somewhat dry statement of facts and data. He outlines objectively the centuries of written history but when it comes to describing the Slavic migration, the historian turns into a romantic storyteller, while in the part focusing on Szentendre a meticulous local historian speaks. No doubt, the most valuable part of the study is the description of local history. It is an enjoyable and informative read and a useful source for scholarly research.

Following the Serbian immigration and settlement to Hungary in 1690, Szofrics focuses on three issues: the church, the school, and the socio-economic life. The importance of the Serbian church is explained by two circumstances. The administrative centre of the Buda Serb diocese was temporarily transferred to Szentendre, and – on the other hand – the Orthodox religion represented and strengthened the identity of the group in a foreign and different denominational environment. The role and linguistic significance of the local Serbian school need not be explained. The socio-economic background is given special

attention because Szentendre reached an era of decline in Szofrics's lifetime. The 18th-century prosperity that is still visible in the architectural aspect of the old town, the wine production, craftsmanship, and merchants' golden age became a glorious past in memory.

In his *Memories of My Student Life*, the author summarizes his reminiscences of the years spent in the Serbian school in Szentendre. Horrified, he recalls the "inquisitional" methodologies experienced during his education. From the point of view of the child, he provides a glimpse into the lessons and the extra-school obligations, rather than the mere description of the school structure and the curriculum. "Religion played an important role in our school life; we were mainly concerned with this in our day-to-day and year-round activities", he emphasizes. "Other subjects, such as history, geography, science, and health, were paid little attention. More weight was placed on church singing..."

Overall, the short memoir depicts a tangible image of the student life; therefore, it can also serve as a source for the history of pedagogy. In a broader context, the recollections of Szofrics's testimonies show that the school – such as the hierarchical internal order of the guilds described in the *Momentums* – made the individual rigid, and the community kept the person under strict control by its institutional structure or excluded the guilty. (Among the school penalties we can often see the expulsion from the classroom.)

When writing his essay *Christmas Eve and Christmas Traditions in Szentendre*, Szofrics had two objectives: to record the Christmas traditions of Szentendre Serbs and to outline the comparative religious context of the recorded ethnographic material. Szofrics's presentation is not confined to simple communication, he recalls the Christmas customs in small images in the timeline of the holiday calendar, with delicious and scholarly detail (for example, in the description of the decoration of the Christmas cake). Meanwhile, he cites plenty of songs, prayers, sayings, and myths connected to the holiday events. The special Serbian words and phrases occurring during this time are included in the Hungarian edition with interpretative explanations.

The comparative approach is two-tiered: from an ethnographic point of view, Szofrics combines the Christmas customs of Szentendre with folklore of other regions and from the point of view of religious history, he seeks to point out the moments from the pre-Christian era. Modern comparative religious history may well justify this, while correcting some of Szofrics's findings but his essay certainly contains precious material for ethnographic research and can be enjoyed, with its literary style and the Christmas themes, beyond the professional circles as well.

The first Hungarian-language edition of Pál Szofrics's Szentendre-related studies was translated by Mária Edelényi and Koszta Vukovits, edited by Éva Gaján, and published by the Pest County Library, an institution that puts a lot of emphasis on preserving local historical values. The excellent footnotes pertaining to the text explain the names, events, and expressions most probably unknown to today's readers. The book is also amended with colourful images: paintings, maps, and old photos.

Péter Milosevits

JUVAN Marko: **Hibridni žanri. Študije o križancih izkustva, mišljenja in literature** [Hybrid Genres: Studies on Hybrids of Experience, Thought, and Literature]. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2017. 220 p.

Marko Juvan (1960), research advisor, head of the Institute of Slovenian Literature and Literary Studies at the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts,

and professor at the University of Ljubljana is one of the most important and most productive Slovenian experts in literary studies.

He has published seven scientific monographs in the Slovenian language (two have been translated to Serbian as well) and two in English, and has also done significant editorial work for scholarly journals and collective volumes. He is the recipient of multiple awards for his work, including the most important so far, the Anton Ocvirk biannual award, awarded by the Slovenian Society for Comparative Literature for the best original comparative monograph which he received last year for his book *Hybrid Genres*. His body of work has gained recognition in Slovenia and internationally through publication in many international journals and his own presentations at international conferences. In his work, he tackles fundamental concepts of literary theory, history, and comparative literature, revealing an exceptional background in literary studies, in-depth knowledge of Slovenian and world literature as well as broad knowledge in other fields of humanities and arts.

In his book, Juvan explains that the concept of hybridity was first developed in biology and then in linguistics, where it was used to describe words composed of heterogeneous elements, such as television, the first part of which is of Greek origin and the second comes from Latin. The concept has been transferred to the field of literary studies by M. Bakhtin, who understood the hybrid construction as a connection of two social languages in a single text or utterance, while interference between the two ideologies or worldviews takes place. Bakhtin's concept of hybridity has subsequently been transferred to the field of social sciences, most often it has been used in the studies of post-colonialism and multiculturalism.

In the field of theory of genres, the concept was first used by Alastair Fowler, who has tackled genre hybridization in his monograph *Kinds of Literature*. According to Fowler, hybrids are the most obvious genre mixture in which two repertoires of a different kind are being connected evenly, without one dominating the other, while both share external form traits. Amongst others, English tragicomedy – from renaissance to Beckett – is used as an example, where an even mixture of contradicting elements of those antithetic genres can be found. Juvan limits himself to the genres of modern European writing in which literature, thinking, and experience permeate constitutively. At the same time, following Bakhtin, he does not forget the socio-ideological and political background of hybridity. He focuses on meta-poetry, essay, and autobiography, where the language of literature intersects with the languages of thought (philosophy, theory, and science) and with the genres of non-literary writing that attempt to embrace life experience (e.g. biography and journalism).

Hybrid mixture of literature and theory is typical of literature from romanticism (when self-reflection has become an inseparable and prominent trait of literature) and onwards, even more so of modernism, postmodernism, and post-structuralism. Typical of the post-modern period are the processes of literarization of theory and theorization of literature. Both can be found in Roland Barthes' and John Barth's work whereas the romantic dialogue of thought and poetry is interpreted in metapoetic poems by A. S. Pushkin and France Prešeren.

The book concludes with the recognition that the research of literary genres hybridizes historical and theoretical observation, that is, idiographic cognitive focus on the specificity of historical phenomena as well as nomothetic cognition through generalizations in the form of laws. The concluding part also contains the author's critique of the efforts at crossing the humanities with natural sciences, which are motivated by the self-serving interest of some of the humanists, wishing to improve their position in the current socio-economic environment, in which the natural sciences seem to prevail.

Mladen Pavičič

Пилипенко Г. **Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров. Взгляд «изнутри» и «извне».** Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2017. 336 с.

Gleb Pilipenko is a renowned Russian scholar of Hungarian and Slavic linguistic and ethnic contacts, employed as a research associate at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Besides, the author has published extensively in Serbian, Russian, Ukrainian, Hungarian, and English on Slavic–Hungarian language contacts in Serbia, Slovenia, and Ukraine (cf. ПИЛИПЕНКО 2011, based on his doctoral thesis).

The book is an interdisciplinary study with fifteen chapters, based on fieldwork, applying analytical methods of critical sociolinguistics, ethnolinguistics, contact linguistics, and linguistic anthropology; valuable fieldwork photos are added at the end. The book begins with the presentation of ethno-demographic characteristics of Vojvodina (Chapter 1); then follows the theoretical and methodological basis of the research (Chapter 2); and an overview of the previous research on cultural-linguistic situation of the Vojvodina Hungarians (Chapter 3). In the following seven chapters, Pilipenko applies sociolinguistic and anthropological analysis, dedicating, thus, separate chapters to the bilingualism in the region (Chapter 4), the mental map of the bilingual region of Vojvodina (Chapter 5), the informants' views on their varieties of Hungarian and Serbian (Chapter 6), the domains of language use (Chapter 7), the communication in family (Chapter 8), the choice of cultural and religious identity in interethnic families (Chapter 9), and the possibility of acquiring the second language (Chapter 10). In the second part of the book, Pilipenko employs methods of contact linguistics using his dialectological knowledge and excellent command of both languages in contact – Serbian and Hungarian. The author discusses the language contact of Serbian and Hungarian (Chapter 11), the linguistic features of the Hungarian variety in Vojvodina (Chapter 12), the Serbian variety spoken by Vojvodina Hungarians (Chapter 13). The last chapters are devoted to migrations (Chapter 14) and ethnocultural traditions of the Vojvodina Hungarians (Chapter 15).

During the fieldwork from 2012 to 2014 throughout the Serbian northern province of Vojvodina (in Pančevo/Pancsova, Skorenovac/Székelykeve, Novi Sad/Újvidék, Ada, Adorjan/Adorján, Zrenjanin/Nagybecskerek), Pilipenko examined more than 50 informants, using classic sociolinguistic research, quantitative methods, and qualitative semi-structured interviews. Informants were of all age, occupations, professions, both genders, Catholics and Protestants. He also explored Székely Hungarians as “a minority within minority”. Many were in interethnic marriages, especially in Novi Sad and Northern Bačka. Eventually, he recorded 40 hours of audio material, building a corpus of 121,840 words. As a foreign researcher, Pilipenko presented a view from “outside” the Hungarian-speaking world and Vojvodina region. Nevertheless, by giving a voice to informants, the book rendered a view from “inside” – as the title underlines. The questionnaire included a wide thematic spectrum which made this field material a suitable source for many disciplines – dialectology, ethnography, sociology, and oral history.¹ Research was conducted in two languages, i.e. Serbian and Hungarian. Some Hungarians communicated rather in Serbian,

¹ The topics included in the questionnaire were as follows: linguistic biography and repertoire, everyday language use, learning the second language, language use in school, socialization of the informants, childhood (interethnic encounters, games with children of other ethnicities), ethnic and religious composition of the settlement, migrations, institutional forms in the municipality, traditional customs and practices, metalanguage utterances, etc.

in the case of language shift. The interlocutors often switched codes, which additionally made this material useful for analyzing code-switching and the Serbian variety spoken by Hungarian native speakers. In theory, Pilipenko was mostly inspired by the works of semi-oticians Mikhail Bakhtin and Yuri Lotman as well as by the founder of Russian ethnolinguistics Nikita Tolstoy. The Belgrade circle practicing linguistic anthropology and fieldwork research at the Institute for Balkan Studies SASA likewise influenced the author.

Pilipenko's analytic method consists of representing selected and transcribed utterances of informants on a particular topic, given in original language (Hungarian or Serbian) and translated into Russian. Then, he analyses the utterances, adding his participant observations and examples from the literature. The informants' voice is, thus, present throughout the book, which makes it heteroglossic in Bakhtin's sense. According to Pilipenko, the command of standard Serbian occurred to be one of the most emerging problems among the Hungarian diaspora (p. 11). Pilipenko found that Hungarian speakers differ between varieties of Vojvodina regions and apply concepts like "pure language/village/Hungarian/Serb", "speaking clean", when referring to a good command of Hungarian or to the ethnic homogeneity (pp. 104–106). According to the Hungarian speakers, the more intensive contact of Serbian and Hungarian, the less competence in Hungarian is present, and vice versa (pp. 108–109). Hungarians who do not have good command in Serbian avoid speaking it as they want to escape mistakes (p. 109). In the regions close to the border with Hungary and in the settlements where Hungarians form a majority, Pilipenko registered a lack of wish of Hungarian speakers to learn Serbian; instead, foreign languages are popular (pp. 110–116).

The analysis of contact phenomena showed that language use depends on the ethnic composition of the settlement and the personal networks of speakers (p. 125). The author paid special attention to interethnic families, which manage diverse linguistic biographies and cultural backgrounds of family members, accept different confessions, celebrate holidays of both (or several) national groups to which family members belong (pp. 131–147). The main reason listed for language shift is the wish for vertical mobility in the Serbian society. The interlocutors ranked the Serbian-language instructions in school very low, appraising them as archaic and incompatible with everyday language use (pp. 157–168). Instead, Serbian was better acquired in childhood when playing with other children, while serving in the army, via TV, etc. (pp. 154, 172–174).

In the part dedicated to language contact, Pilipenko finds that the influence of Serbian is obvious at all levels (pp. 182, 190–191). The communicative misunderstandings are a usual topic retold in anecdotes as the informants apparently find them funny (pp. 186–189, 194–195). The common borrowings from Serbian are terms for cloths, administration, and food products (pp. 192–193). The Hungarian speakers generally avoid Cyrillic script – the official letter in Serbia beside the Latin script, which is also in use – and use it reluctantly (p. 197). The author describes in detail the features of Hungarian varieties in Vojvodina, among others, changes of palatals into affricates, *ty* [tʃ] and *gy* [dʃ] into [č] and [đ], *ly* [j] into [l], omitting final *l*, *r*, *n*, *t*, forms of instrumental *-val/-vel*, the conjugation of the verbs *mondi/mondja*, *-ik* verbs, *jönni*, *menni*, the use of plural after quantifiers, comparative constructions, etc.; he also analyses the use of Serbian and German loanwords, etc. (pp. 198–220). Special attention is devoted to toponyms and the conversational strategies of repeating, coupling, metalinguistic utterances about toponyms (pp. 220–241). One subchapter is devoted to code-switching (pp. 241–254). The Serbian variety of Vojvodina Hungarians is also analyzed, i.e. its phonetic features, mixing of accusative and locative, omitting gender markers, declination of nouns and congruence, omitting reflexive token *se* and

the auxiliary verb *to be*, the choice of verbs, metalinguistic utterances, and self-corrections (pp. 255–267). Pilipenko concluded that all these linguistic features occur also in other regions where Hungarian is in contact with Slavic varieties: in Prekmurje, Transcarpathia, etc. (p. 255). The author made an impressive effort to apply and combine several linguistic disciplines and he was very successful in it. However, there are some problematic uses of sociolinguistic terms, e.g. the term *mistake* for nonstandard contact forms (p. 255); the conclusion that code-switching usually happens when speaker is not competent enough (p. 241); and the term *narrative*, when referring to an arbitrary utterance, extracted from the conversational flow.

In its final part, the book gives an overview of the recent migrations of Vojvodina Hungarians, in the 1960s and 1970s within the “Guest-workers” program to the countries of Western Europe; and since the 1990s (war, military obligatory service, and severe economic crisis) (pp. 268, 274). There are different patterns of migration habitus: some are leaving and selling everything, some are keeping connection to the homeland, and some live as divided families (pp. 275–278). Pilipenko also analyzes the Serbian colonization to Vojvodina after the Second World War, and ethnocultural stereotypes based on the oppositions like Vojvodina Serbs vs. Serbs from other territories, Serbs vs. Hungarians, old inhabitants vs. newcomers (pp. 282–287). The last chapter is dedicated to the ethnocultural traditions of the Vojvodina Hungarians (Saint Lucy’s Day – *Luca napja*, Christmas – *Karácsony*, Easter – *Húsvét*, pig slaughter – *disznótor*, wedding customs, etc.). In this short and very informative overview, there can be noticed the influence of Slavic traditions, dying out of customs and their transformation after the Second World War.

This book represents a valuable contribution to the Hungarian, Serbian, and language contact studies. It is a pity that scholars who cannot read this book in Russian will have difficulties to use its results. Therefore, a translation into Hungarian or Serbian with an extensive English summary would certainly be a welcome step since it would contribute to a better understanding of the Hungarian–Serbian (Slavic) contacts and would certainly help the book to reach a wider audience.

Marija Mandić

Reference

Пилипенко 2011 = Пилипенко Г. *Сербский язык воеводинских венгров (с учетом функционирования словенского языка прекурских венгров и порабских словенцев)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

Дронов П. С. **Очерки по культурным трансферам во фразеологии**. Москва: Институт языкознания РАН, 2018. 102 с.

The monograph written by Pavel Dronov addresses the question of cultural transfers in phraseology and figurative language. The starting point of the author’s reasoning is the idea that different concepts of transfer, both grammatical and cultural, such as those of Zellig Harris and Michel Espagne, can and should be reconciled when describing figurative language, especially idioms. The author regards transfer in phraseology as both a process of idiom exchange and a set of rules for their interpretation or reinterpretation. The book consists of the introduction, seven chapters, and the conclusion.

The first chapter entitled *Cultural transfer, cultural specificity, and equivalence of idioms* focuses on the major views on cultural specificity of idioms. As is known, cultural specificity of figurative units such as idioms and proverbs has been discussed in cognitive linguistics as well as language and culture studies alike (cf. DOBROVOL'SKIĀ–PIIRAINEN 2005, KÖVECSES 2005, PIIRAINEN 2012, КОВШОВА 2012, ТЕЛИЯ 1996). The author seeks to reconcile both approaches, analyzing both the metaphoric models and cultural codes (e.g. the archetypal US VS. THEM and THE FAR VS. THE NEAR oppositions). The discussion of cultural specificity and commonness of idioms (cf. the terms *common figurative units* and *frazeologičeskie internacionalizmy* used by Elisabeth Piirainen and Aleksandr Reichstein, respectively) continues in the second chapter, *Cultural specificity vs. common figurative units: a case of conlangs*. In this chapter, the author argues for the use of constructed languages, or conlangs, which are becoming increasingly more popular due to mass culture (cf. the popularity of Klingon from the *Star Trek* TV series or Dothraki, High and Low Valyrian from *Game of Thrones*) as models for researching the cultural specificity of idioms. In conlangs, idioms are coined either to bear connotations ascribed to fictitious cultures or to mirror the real languages and societies. In the next chapters, the author turns to idioms in natural languages.

Chapter 3 named *How Russians, Englishmen, and Germans bear their crosses: modifications of a common figurative unit in three languages* uses the corpus-based approach to investigate into use and specific features of the Biblical idiom *a cross to bear* in Russian, English, and German. The next three chapters (*Idioms with constituents ground and soil: metaphor, cultural connotations, and usage; a case study of Slavic, Germanic, and Celtic phraseology*; *Tā a fhios agam, mar a chreidim: Russian, English, and Irish idioms with the constituents know and believe*; *Steam and sail in phraseology: idioms based on inventions and technology*) focus on the use of idioms with similar constituents, laying out their figurative meanings and underlying metaphorical models. The idioms in question appear to use a small number of metaphorical models and can serve as intensifiers (LF Magn in Igor A. Melchuk's terms).

The next chapters demonstrate a turn from analyzing idioms with similar constituents to considering idioms with similar figurative meanings. Chapter 7 named *Чтоб воды в ступе не толочь: variability of idioms denoting lack of result* deals with figurative units such as English *to carry water in a sieve*, *Sisyphean labour*, Russian *толочь воду в ступе* (lit. 'to beat water in a mortar [with a pestle]'), Serbian and Croatian *tući vodu u avanu / mužaru / tucnju*. The analysis of these idioms shows that the similarity of figurative meanings can lead to the development of similar structures and constructions, reducing cultural specificity to the choice of words to fill in the variables of those constructions. For instance, Russian *есть в Тулу со своим самоваром*, English *to carry coals to Newcastle*, German *Eulen nach Athen tragen* (lit. 'to carry owls to Athens') and Serbian *baštovandžiji prodavati krastavce* (lit. 'to sell cucumbers to a gardener') all follow the following pattern: *to bring X to Y, which / who has no need for it*. Nearly complete similarity of form is found in jest idioms (e.g. *water in a sieve*) and figurative units based on quotations (*Sisyphean task*). Corpus data reveal that these idioms are prone to turning into comparisons and may have differences in modifications and figurative meanings.

The final chapter named *Time as luck in figurative language: idiom variability, structural similarity and altered underlying metaphors* concentrates on the idioms based on the TIME IS LUCK model in Russian, English, and German. The idioms in question can be traced back to two sources, namely the Old Greek myth of Kairos, god of happy moments (cf. German *die Gelegenheit beim Schopf packen* [lit. 'to grab opportunity by the forelock'] and,

likely, Russian *схватить бога за бороду* [lit. 'to grab God by the beard'] and Horace's phrase *carpe diem* (English *seize the day*, German *die Gelegenheit ergreifen*, Russian *ловить момент*). The Kairos-based idioms appear to be losing the temporal semantics and replacing it with that of opportunity. In the conclusion, the author argues that the cultural specificity and commonness of idioms are two aspects of the same phenomenon, and cultural transfer in phraseology is what distinguishes them from one another.

The book should be noted for using an original amalgam of different approaches in addressing the issue of idioms' cultural specificity and cultural transfers in phraseology. In idiom analysis, the author adheres to the cognitive metaphor theory in terms of George Lakoff and Mark Johnson. The corpus-based approach is used for demonstrating the actual usage of idioms and possible changes of their figurative meanings and underlying metaphors. One should praise the linguistic scope of the book as it covers idioms in different languages of Europe, from the more known and analyzed ones in English and German to those in minority languages like Irish. It is worth noting that a good deal of material comes from Slavic sources, which probably accounts for the book being endorsed both by the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and the Phraseological Board of the International Committee of Slavists.

Due to the complex nature of the issues raised and the manifold approach to addressing them, the book will prove useful to researchers of phraseology, cognitive and theoretical linguistics as well as language and culture studies.

Oleg Fedosov

References

- DOBROVOL'SKIJ-PIIRAINEN 2005 = DOBROVOL'SKIJ Dmitrij, PIIRAINEN Elisabeth: *Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*. Amsterdam: Elsevier, 2005.
- KÖVECSES 2005 = KÖVECSES Zoltán: *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- PIIRAINEN 2012 = PIIRAINEN Elisabeth: *Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units*. New York: Peter Lang, 2012.
- КОВШОВА 2012 = КОВШОВА М. Л. *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*. Москва: «Либроком», 2012.
- ТЕЛИЯ 1996 = ТЕЛИЯ В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: «Языки русской культуры», 1996.